

Артём Сеницын

Меня реальность

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Сеницын

Меняя реальность

<https://litres.ru/74017794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошлое и будущее многовариантны и меняются по щелчку пальцев каждое мгновение. Здесь нет ничего невозможного, а сам мир как огромное игровое поле, где абсолютно каждый волен менять свою судьбу так, как ему вздумается. Артем Сеницын – обычный человек с полным отсутствием критического восприятия, однажды просыпается не в своей жизни. Но этого как будто мало, и каждый следующий сон погружает всё в новую и новую реальность. Такой же парадокс захватывает ещё несколько человек. Вместе им предстоит познавать новые грани бытия, менять прошлое, творить будущее и искать лучшие версии вселенной.

Ироничные приключения по граням мироздания.

Содержание

Глава 1 - Шестой	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артём Сеницын

Меня реальность

Глава 1 - Шестой

*При срыве реальности ремни
пристёгивать бесполезно.*

Автор - автор

Прогуливаясь между двумя точками – густо населённой выюнами клумбой и дорожным знаком «стоп», Сеница размышлял о том как ему следует поступить – встретить гостя вежливо, чтобы направить события по добродушному сценарию, либо же не церемониться и просто молча вдарить от всей души прямо во вражескую физиономию. Второй путь самый простой, но к доверию не склоняет, а Сенице нужно было непосредственно доверие оппонента. Минус загнанной псами лисы на охоте в том, что ластиться она не станет, как ни старайся. Сеница был загонщиком номер Шесть, и расположить к себе беглеца априори не мог. Какой дурак будучи в бегах внезапно проникается к своим врагам и слезливо изливает душу? Если хорошенько порыться в памяти – ни одного не найдёшь. По крайней мере познаний у Артёма Сеницына на этом поприще не было. Но надежду терять – это не в его стиле. Надежду теряют только глупенькие слабаки,

а он умный, да ещё и сильный в некотором смысле.

Вообще Артём проснулся недавно. Да и что вообще можно обозвать таким словом, если не банальное пробуждение ото сна со звоном будильника? На ум ничего более не придёт, а Артём вот взял и проснулся дважды подряд. Сначала, когда стрелки на часах к семи подползли и немелодичный зов потребовал восстать из сна, а затем и после, глядя на себя в грязненькое зеркало собственной ванной. Просто «проснулся». И никак иначе этот феномен не назвать. Внезапно Артёму вдруг стало понятно всё предельно и также предельно пофиг. И на работу идти – пофиг, и не идти тоже – пофиг. Пофиг всё вообще.

Нормальные люди зовут это «депрессией», но у Артёма её не было. Он как бы взглянул на весь мир и на себя в частности со стороны и увидел шкурным зрением, третьим глазом, если изволите, вообще всё. Крошечные игры людей в важных персонажей с красивыми званиями вроде «директор», «главный», «лучший» или ещё страшнее «кредит», «коммуналка», «ипотека». Всё это потускнело и выстроилось перед глазами в детскую песочницу, только масштабами побольше, и все эти важные люди вдруг обрели лопатки, ведёрки и начали с серьёзными лицами строить куличики, считать, оценивать рентабельность. Артём и себя увидел, стоящим босыми ногами в песке с красивым голубым совочком и красным ведёрком и отчётливо услышал как вместо привычных слов про дедлайны начальник требовал строить самые ровные и

красивые куличики. Вот тебе игра, Артём Валерьевич, иди лепи куличики, чего стоишь.

Это точно не депрессия. И даже не кризис среднего возраста – красного кабриолета и орды любовниц не хотелось. Артём, как и каждый уважающий себя человек, прекрасно мог налегке выдать тысячу и одно «не хочу» и «не нравится», но вдруг осознал, что заменить эти слова нечем. Ни одного «хочу» за долгие годы труда в компании и проживания на отдельной собственной жилплощади, не накопилось. Даже душераздирающий роман с роскошной женщиной не хотелось. Со скромной и любящей тоже не хотелось. Потому что странно это – лепить куличики со сложными лицами, а потом идти из офиса в другую песочницу под названием «дом» и лепить куличики ещё и там.

Для Артёма всё было кончено именно в эту минуту. И оплакивала его душу только слезливая капелька запотевшего зеркала.

Артём капельку вытер. Нить ему тоже не хотелось. Категорически.

«А чего тебе надобно, старче?» - Голос золотой рыбки зазвенел в ушах, словно кто-то включил мультфильм и тут же потух.

Ну, Артём и задумался. Хорошо так задумался, на долгие месяцы, не делая никаких резких движений и не принимая патологически неверных решений. Просто решил плыть по течению, пока голова активно работает, выискивая

из миллиона «хочу» те звенящие и особенные, от которых душа поёт. Душу он не слышал. Точнее не знал как она вообще поёт и что это выражение значит. Всё что у Артёма пело – это желудок перед обедом, но вряд ли его можно считать душой.

Но вот нашлось, накатило тихонечко рекламным плакатом метр на два на остановке, а внутри вдруг сжалось всё и больно кольнуло куда-то от ребра под глотку. И тут же стихло. Нет, это не инсульт.

Душа пела об отпуске. Вынуждала подслеповатый взгляд полусонного человека скользить по изображению океана, шелестела на уши ветром, подобно бегущей от волны гальке, копилась солью на подсохших губах. Душа скромно мурлыкала об океане и возможности наблюдать за затухающим солнцем. Просто хотя бы разок оказаться в глади воды, пока волна услужливо ластится к ногам. Доля секунды, а потом убегает. И гадаешь каждый раз вернётся ли к тебе или просто подразнит вдалеке, выманит подойти поближе и игриво окатит с ног до головы холодными пенными барашками.

Артём подумал что этого он и хочет – поиграть с волной в догонялки и испытать на себе все мирские ощущения: как мокрая рубашка к телу липнет, как песок забивается между пальцев, а потом оказывается везде – в носках, в кедах, даже в белье. Как туда попал – угадай.

Скромное крошечное желание длиной в пол минуты, но зато его, священное и непоколебимое Артёмовское желание.

Так и начал собирать образы, с интересом рассматривать мир вокруг – от чего ещё больно кольнёт в груди или заходит под ребром. Природа отвечала мгновенно, иногда какими-то странными путями: то обрывками чужих фраз, врезающимися в уши, то постоянно повторяющимися цифрами на часах, то внезапными исполнениями сиюминутных желаний. До странного дошло – клубники захочешь, так девочки из соседнего отдела непременно угостят. Даже в октябре.

Артём стал наблюдать за миром активнее, начал выстраивать теории, даже завёл себе тетрадь где скрупулёзно записывал что из задуманного сбылось само собой, а что вот хочется, но ни в какую. Связи не увидел, расстроился, но записывать продолжил.

Стало интересно каково это – заигрывать с людьми. Что если дойти до неслыханного и начать говорить о своих потребностях вслух. И, о чудо, окружающие словно ждали этого, постепенно превращаясь в волшебных фей и джинов.

- Чего изволите, Артём Валерьевич?

Дошло до смешного и практически невероятного – скажет приятелю про какое-нибудь мероприятие, куда хочет попасть, как на тебе – и билеты и место ночлега, и всё что хочешь.

Артём начал побаиваться. Сомневаться в реальности происходящего, но душа-то пела уже во всю. Душу он уже слышал так отчётливо, что не сразу сообразил что это она. Просто знал, что внутри всё уже не болит, а словно поёт и ластит-

ся тёплой шерсткой о рёбра и лучится во всю какой-то непоколебимой вселенской любовью. И ведь хрен её заткнёшь.

А вокруг всё такое смешное, красочное и какое-то совсем нереальное. Вроде и лица у людей серьёзные и куличики все лепят также сосредоточенно, да и сам он процессу отдаётся с фантазией, с интересом, но как будто в затяжном нескончаемом сне.

И как проснуться не знает. И спит ли на самом деле – тоже.

И уже практически не разделяет где сны, а где пресловутая банальная реальность.

И к доктору бы сходить стоило, просветить череп навывлет и узнать что за гадость вызывает в нём такой яростный приступ счастья?

Уголки губ сами вверх тянутся, выстраиваются в ироничную улыбку. Стоит глаза потерять, сфокусироваться на моменте и вроде как не спишь, вроде как адекватный. Тёма даже позлился на коллегу из вежливости, обсудил какой он гад целых три раза, но на четвертый интерес к сплетням потерял, как и к остальным «важным взрослым вещам». Не хотелось ему чтобы то мягкое и тёплое в грудице вдруг снова начало яростно скрести когтями о позвоночник и с оскалом на прохожих кидаться.

Впервые у Артёма наступил в жизни полный дзен и уверенное стопроцентное счастье.

И всё это в одном моменте.

Сколько времен с тех пор прошло – неизвестно. Впрочем, это и не важно. Само время словно остановилось, а вселенная расширилась настолько, что Тёма вдруг удивился её невероятной безмерности и проникся ощущением бесконечности от макушки до пят. Она безгранична. Вперёд и назад. И даже вправо и влево – безгранична.

Тёма ещё кое-что заметил, что не вписывалось в нормы реальности никаким образом. В частности слова, настроения и даже лица окружающих людей.

Случилось это так. Стоял себе, тупил в телефон у кофемашины в гордом одиночестве, ругался с козлом на том конце интернета, и вдруг внезапно для себя вместо обидного оскорбления проникся к засранцу и яростно написал «у нас здесь явно недопонимание, ты же на самом деле классный чел и для срача у нас повода нет». Пальцы сами по клавиатуре смартфона бегали, словно за Артёма кто-то другой это всё писал. А потом

Ощущение было, словно неведомая сила схватила его за всё тело разом и потащила со сверхсветовой скоростью куда-то в сторону, да так быстро, что даже вдохнуть невозможно. Обычно так задыхаются когда с высоты падают, но Артём стоял строго вертикально у кофемашины и никакой галактики не пересекал явно. Тащило его столь быстро, что антураж офиса замелькал смазанными пикселями, растёкся чернильными завитками в воде и ослепил белым шумом взгляд. Тёма даже пошатнулся, схватился за стол рефлекторно, что-

бы уже тащить перестало, с трудом пересиливая грандиозный порыв ветра, но обнаружил что этот жест, требующий титанических усилий, предпринять за пределами легко. И не стоило так лупить о столешницу. Никуда он не летит, ничего не происходит.

Мурашки пробежались по спине, высыпались по плечам и макушке, съжились и разгладились. Тёму бросило в жар, ошпарило кипятком чужого инопланетного воздуха в какой-то иной параллельной вселенной, с бежевыми оттенками всё того же до боли знакомого интерьера офисной трапезной, но какой-то иной?

Всё здесь иное.

Но ничего и не изменилось.

Только козёл на том конце интернета внезапно ответил очень вежливо и сдержано. И даже хорошего дня пожелал, между прочим. Тёма выключил смартфон, спрятал его в задний карман джинс и уперся обеими руками в столешницу.

Температура воздуха здесь выше градусов на пять точно, воздух как будто бы гуще от этой жары, но между тем и лёгкий невесомый. Иной какой-то, непривычный и вдыхается с какими-то сливочными нотками на языке. Тёма подумал что его знобит, но ощущение инородного климата не покидало. Точно также с севера прилетаешь на юг, берёшь свою ручную кладь и делаешь шаг из самолёта. Тут же власть салонного кондиционера прекращается и душный южный воздух обнимает тебя до капелек пота между лопаток и не покида-

ет до самого отлёта на дождливую северную родину. Тёма ощущал воздух именно так и воспоминание о секундном путешествии через всю галактику ерошило ему загривок потусторонними ощущениями здорового ужаса.

Артём был на волоске от желания ворваться в кабинет и сообщить всем коллегам что его похоже клинануло какой-то нездоровой бациллой и срочно нужно проверить психическое здоровье и вестибулярный аппарат.

Кофе он взял, потому что пришел за ним и пока сознание металось от истерики к спокойствию, логично выполнил традиционный офисный ритуал и пошел к своему рабочему месту. Открыл дверь в кабинет и замер.

На него смотрели всё те же коллеги, абсолютно те же самые, что и были до гипер прыжка через галактику, но другие. Вся это их чуждость блистала на него светлыми добрыми взглядами, полными священной наивности и доброты, сияла мягкими искренними улыбками и чистыми открытыми жестами. Он узнавал коллег, но готов был поклясться что видел каждого из них впервые.

Теперь волосок истерики натянулся сильнее, а вместе с ним и дурацкая улыбка проявилась на лице абсолютно синхронная с окружающими.

Тёма чувствовал себя пришельцем и очень боялся что местные всё поймут и накинутся на него, раздирая на части несчастного путешественника в чужие миры.

Вторая половина дня прошла напряженно и долго.

Чужая планета, а Тёма считал её именно такой, была намного ярче его родной. Краски здесь словно сочились из каждого предмета, а взгляд фокусировался легко и непринужденно. Беглый мучающий диалог в голове обрывался по желанию и не нужно было с ним бороться. Люди вокруг смотрели с теплотой и помогали во всём, даже если не просишь. Кто-то подманивал под козырёк рядом встать потому что дождь пошел, кто-то последнюю булочку уступал, кто-то прощал безбилетный проезд, кто-то просто делился приятными рассуждениями о розовой клумбе и желал всего самого хорошего. Просто так. Без причины. Тёма тоже клумбой любовался и гадал откуда здесь розы, ведь раньше был голый зелёный газон с залысинами. Постепенно воспоминания и о газоне стиралось. Из памяти и даже из тетрадок. Только с бумаги с запозданием. Тёма листал свой импровизированный дневничок и удивлялся – как он мог смотреть на некоторые вещи, но не видеть их в упор. Даже целый парк с заботливо высаженными сакурами и ровно остриженным газоном пропустил. А ведь он у дома

Тёма качался на стуле, смотрел в потолок и откровенно наслаждался этой новой доброй вселенной с её улыбающимися людьми, которые изо всех сил стремятся быть добрыми и помогать друг другу во всём. И как такое раньше не замечал? И с родителями зачем-то ссорился Странный какой-то этот Артём из прошлого. Совсем не похож

Тёма резко выпрямился.

Сознание потянулось к неприятному воспоминанию о прошлом и почему-то ничего не нашло. Все кадры словно выбелились и частично заполнились новыми. Только будто бы недосмотренные сны – обрываются, путаются, лопаются мыльными пузырями, стоит приблизиться.

Хоть убей, а ни один диалог из прошлого до конца вспомнить не может. Любой день затянут крошечным туманом и облаками, и образы настолько размытые, словно кто-то закинул акварельки его жизни в воду и хорошенько потряс. Бумага впитала в себя всё, спутала и вылилась в космическую бесконечную пустоту с вкраплением мгновений-звёзд. Таких далёких, что ни одно не разобрать.

Артём нахмурился, потёр переносицу, но воспоминания так и не выстроились в ровный рядок.

Артёмово прошлого не существовало.

Априори.

Потому что Артёма в этой вселенной раньше и не было.

День сменялся другим, третьим, четвёртым, воспоминания деформировались. Тёма решил узнать что у других людей. Помнят всё. Даже с охотой пускаются в долгие рассказы с деталями и сочными красками. Только стоит их поймать на вранье о прошлых словах, как тушуются и говорят что этого не было и это он сейчас врёт.

Но Артём не врал. Он вообще никогда не врал и всегда говорил прямо и открыто, чем вызывал не такую уж и трепетную любовь к своей персоне. Только иначе он не умел, и не

хотел утруждаться необходимостью запоминать каждую сказанную ложь или внешние очертания образа, что скорчишь однажды для коллег и прилежно выдерживаешь всю оставшуюся жизнь. У Синицы было одно лицо для всех, с легкой флегматической усталостью, но справедливое, честное и искреннее. И ведь другие тоже искренними добрыми глазами на него тарасились и удивлялись тоже искренне. Откуда, дескать, ты такое вообще придумал. А «такое» было скрупулёзно записано в тетради, отмечено синими буквами чернил на полях истории и совершенно определённо «было».

Тёма верил в людей и не думал что такой мелкой ложью станет заниматься абсолютно каждый, поэтому винить окружающих в гнильце не спешил, да и не хотел видеть в людях только ужасное. «Это какой-то эгоцентричный прикол», - рассуждал он в своей голове, - «ибо я в точности убеждён что каждый хочет быть хорошим. Просто каждый. И у каждого мотивы кристально чисты. Нет необходимости во вранье. Просто нет». И в сознании вдруг выстроились все персонажи его мира в один ряд и каждый с тёплой улыбкой кивнул «да, мы хотим быть хорошими, правильно вы рассуждаете, Артём Валерьевич». Даже у злодеев мотивы чистые и светлые. Ошибка только в одном – заставляя окружающих думать, что твоё благо какое-то «всеобщее». Тотальная ошибка новичка, который решил изменить мир к лучшему. Тёма знал, что у каждого «лучшее» совершенно своё и особенное, такое что как ни старайся, не воссоздашь. И счастье у всех

тоже разное. И только дураки думают что их счастье – это априори правильно. Потому что если счастьем Артёма Валерьевича Синицына накрыть мир, то как минимум каждый второй взвоят, а каждый третий сообщит что такой благой мир – абсолютнейший ад. До этой мысли легко догадаться, достаточно взять чужую жизнь, абсолютно любого человека, и хотя бы один единственный день прожить именно так как живёт он. С точностью до мельчайших событий сконцентрировать всё своё внимание на чужих ценностях, чужом «хочу» и чужом «важно» и тут же взвоешь. Да и пяти минут хватит. Кто же выдержит осознание того, что его любимые ценности превращаются в неважный мусор? Кто осмелится сказать что его любимый человек, прекраснейший из прекрасных, оказался занудным уродцем в чужих глазах. А какой виртуоз выдержит насильного запрета пикировать на любимейшей скрипке? А ведь это важно было для него, а не для того, другого, в чьей шкуре теперь фокус внимания должен сместиться на садоводство, например. Насилие чистой воды. Уничтожать свою личность и жить по приказу и требованиям других – вот он ад. А потому злодеи и герои с их идеальной картиной мира должны взяться за ручки и дружно ускакать в сторону заката, пока не скроются за горизонтом, и творить свои великие дела во благо всего человечества где-нибудь далеко-далеко, где никому не помешают.

Тёма улыбнулся.

А потом съезжился на кровати, обнял подушку и уста-

вился на открытку на стене. Перед взором предстала лазурная гладь воды, увенчанная мраморными гладкими стенами, окруженная на возвышенности сочными зелеными елками и соснами.

Пожалуй, такой рай некоторые тоже сочтут адом. А потому лучше мир не менять, оставить его таким какой есть – свободным, вольным, полным крошечных маленьких раев, совершенно не похожих друг на друга, от чего не менее красочных, чем зеленоватое мраморное озеро на открытке. И люди в этих маленьких чудесных мирах горят как крошечные звездочки на ночном небосклоне, сияют улыбками, зажигая в толпе новые звёзды-улыбки.

Пусть таких будет просто чуточку больше.

Это единственное, чего Тёме хотелось.

Больше ничего.

С этими мыслями Артём уснул и спал так сладко, как никогда в жизни. Снилось ему бирюзовая гладь воды, отражающая могучие громадные сосны, упирающиеся шпильями в тяжелый северный грозовой небосвод. Испещренная узорами мраморная гладь скал, сколотая рабочими столь искусно, что даже капля воды не может задержаться на поверхности и скатывается вниз. Пружинистое дуновение ветра под крыло, вздымающее крошечное тело вверх и такие же как он – чайки. И не было у него ничего, кроме мгновения и устойчивого порыва ветра под крыло. Только безграничная свобода и манящая даль неизведанного.

Будильник зазвенел ровно в семь, полностью разрушив романтические настроения грядущей ночи. Выдернул в реальность так стремительно, что раздраженное сладостным сном сознание ещё несколько минут сопротивлялось, стараясь сначала наощупь выключить будильник, а потом и вернуть насильно те самые ощущения, от которых мгновение назад жизнь казалась невероятно счастливой. Борьба была заведомо проиграна. Пришлось подняться в постели, потереть нежелающие видеть мир глаза и разлепить-таки веки. Давалось это Артёму с трудом, хоть и раздражения по поводу навязанного пробуждения не было. Просто хотелось ещё немного полетать – когда такая возможность подвернётся в следующий раз?

Глаза увидели одеяло и мгновенно ощущения сладостной теплоты пробрали до мурашек, и сделалось так отчаянно хорошо, что вставать расхотелось ещё сильнее. Теперь и чайки померкли в сравнении с теплотой уютного гнездышка перьевого одеяла и мягкой подушки, но вставать всё равно нужно было – об этом второй раз напомнил будильник.

Синица вытряхнул себя из постели, потянулся за штанами и завис на мгновение, соображая почему они лежат дальше и не там, где были оставлены. А может это он такой невнимательный стал и так затерялся в своих размышлениях, что и внимания не обратил куда бросил их. Надел, добрёл до ванной, чертыхнулся, снял и полез в душ. Так же сонно вытерся полотенцем, натянул всё те же штаны, нашарил в шкафу ху-

ди и протопал, покачиваясь, на кухню. Аромат кофе приятно щекотнул нос, раздражил вкусовые рецепторы, а взгляд наконец-то соизволил сфокусироваться на белой ребристой чашке с лёгким дымком. Свежий. Горячий.

Тёма поспешил уместиться за стол, пододвинул к себе чашечку, облизнулся, но был обломан тяжелой рукой, опустившейся на запястье.

- Куда? Это я себе налил. – Мужской добродушный голос, разлился по комнате мягко, с бархатной теплотой, но такой уверенностью, что сопротивляться ему не хотелось. Глава семьи говорил, не иначе. – Вон на плите есть ещё, налей себе, если хочешь.

Над Артёмом нависал мужчина лет пятидесяти в голубой рубашке и тёмно-синем костюме. Улыбался он мягко, а в глазах таилось отеческое тепло. Вроде как и пожурил, но при этом сочился каким-то нежнейшим восторгом и радостью долгожданной встречи.

Тёма сразу понял – это его отец. Да только не его отец на самом деле. Этого мужчину он видел впервые в жизни. Противный холодок проскользнул по спине, рассыпался мурашками по лопаткам и вылился в нервную испарину. Кухня тоже была не его. Всё было не его. Уже лет десять как Артём Валерьевич проживает на скромной жилплощади в тридцать шесть квадратов с крошечной кухней, где едва умещается два человека, не то чтобы стол. А эта кухня просторная, в ней при желании можно балы устраивать – даже паркет име-

ется и красивая хрустальная люстра прямо по центру высокого потолка.

Это не его дом. Этого человека он не знает, но вместе с тем признаёт нутром как родного отца, которого к тому же ещё и любит. И чувства эти бурлят одновременно настолько неистово, что Тёма как сидел молча, так и продолжил сидеть, разве что чашку отпустил.

Страшнее всего было выдать себя. Облажаться в какой-то мелочи, спровоцировать или вызвать подозрения. Тёма пожелал слиться со стеною, провалиться под землю или резко сорваться с места и бежать, бежать, бежать, пока наконец-то не проснётся. Потому что это явно сон во сне. Просто очень уж реалистичный. Детализированный, без гипертрофированных странностей, которыми выдаёт себя с головой любая грёза, а такой вот реальный. Даже мурашки по коже весьма правдоподобно бегут и пятка очень натурально чешется.

Тёма молчал, вросший в стул, а мужчина тем временем залпом влил в себя кофе, глянул на часы и спешно пробормотал:

- Ладно-ладно, всё вечером. Я рад тебя видеть, безмерно, Владик, но папе пора. – Незнакомый дяденька поправил воротничок выглаженной рубашки, бросил чашку в раковину и быстренько удалился.

Ощущения были, словно именно эта спешка не позволила старику разглядеть в том, кого он счёл Владиком, посто-

ронного. Возможно, чем-то похожие черты лица позволили Артёму притвориться другим человеком и остаться инкогнито до самого конца действия. Слишком короткая встреча в которой не понадобилось ничего говорить. Идеально для шпиона.

Говорят, если посмотреть во сне на свои руки, то можно будет им управлять. Синица посмотрел, внимательно изучил каждый палец, пробежался взглядом по торчащим косточкам и голубоватым переплетениям вен, едва просвечивающих сквозь кожу. Изучил, каждый изгиб, одновременно прислушиваясь к ощущениям естества. Естество молчало, успокоенное увиденным, а разум расхаживал по оглушающе пустой черепной коробке, сложив руки за спину и вариантов происходящего подкидывать не спешил. В его реальности всё было логично, но вместе с тем шло параллельно – одна жизнь и другая. И обе были зубодробительно настоящие.

Хороший сон. Качественный. Обманывает все рецепторы разом. Нужно будет его записать по утру.

Артём в своей адекватности никогда не сомневался, но в реальности в последнее время имел склонность искать некие несостыковки.

Он встал, выпрямился во весь рост и утонул в смятениях, как только попытался вернуться к привычному рутинному шаблону существования – пойти на работу в понедельник утром. Одна часть сознания подстегивала поторопиться, ибо каждая минута на счету, а другая говорила что это глупо –

у него нет нужды появляться на рабочем месте так часто. Достаточно будет оговоренной в пятницу встречи. Какому из терзаний души отдаться, Тёма решительно не понимал.

Взгляд уже блуждал по голым ступням, одиноко ютящимся на паркете, а потом перешел изучать интерьер своей-не своей кухни. Просторное светлое помещение, словно выпиленное из огромного дуба целиком, с бесконечным количеством сучков-вензельков, завитушек, крошечных скульптур и вазочек, напоминало скорее захламленное беличье гнездо. Здоровенные вазы, укрытые здоровенными сборными букетами сушеных и искусственных цветов, выдавали возрастную женскую руку. В помещении властвовало барокко, ренессанс, прованс и модерн одновременно. Тёма не знал к какому виду классики отнести этот шедевр и начал фантазировать остальное убранство квартиры. Чужая память подсказывала что это ещё цветочки и дальше беличье гнездо превратится в сорочье. От тяжелой роскоши становилось неуютно. Помещение спасали только просторные окна, полные утреннего золотистого солнечного света.

Ощущение свой-чужой становилось уже чем-то вроде игры. Артём с удивлением взирал на окружение, путешествуя от одной роскошной детали к другой, с трудом угадывая – это очередная удивительным образом пустующая ваза или тотем на удачу.

За кухней волна декоративного хаоса превратилась в цунами, полностью запутывая любого гостя. Настоящие две-

ри, задекорированные под двери перегородки, рельефчики, ширмы, подвесные панели – всё это решительным образом ставило в тупик. Ни один вор, Артём готов был в этом поклясться, ни за что не догадается где спрятан сейф. Осталось удивительным, как часом ранее ноги умудрились сами привести сонного человека через всю эту роскошь, так ни разу не споткнувшись. Синице понадобилось двадцать тяжелых минут, чтобы найти туалет. Ещё десять, обнаружить комнату, которую можно определить «своей».

Быть настолько богатым в перспективе дальнейшего бытия Артёму решительно не хотелось. Миллиарды накладывают тяжелую рюшечную тень на своих обладателей – эта истина прочно улеглась в голове. И пробежалась меж лопаток неприятным холодком.

- Владик! – Обитатели местного Лувра имели привычку подкрадываться внезапно и со спины. Наверное, так свои миллиарды и заработали – на сердечных приступах. На этот раз из интерьера выпорхнула женщина, как и ожидалось, вся в мелкую розочку и, конечно же, в рюшечку. И как будто этого было мало, женщина куталась в тоненький халатик с очень пушистым меховым воротником и рукавами. Артём признал в ней владелицу дома до того, как распознал свою «новую» маму. Женщина плыла к нему с распростертыми объятиями, усыпала лицо поцелуями, оставляя ярко-розовые следы помады на щеках и носу. Радость встречи бушевала в ней неистово, подобно урагану. Шокированный ди-

намично развивающимся сновидением в реальности, Артём и не думал сопротивляться, отдаваясь материнской любви как тряпичная кукла. Между тем, Раиса Николаевна произвела тщательный осмотр чада, пощипала за бока, подергала за щечки и пришла к ужасающему выводу. — Э, как отошал! Но ничего! Ничего! Мы быстренько исправим этот скелетообразный торс, приведём тебя в подобающие формы. Это всё такие мелочи, Владик. Такие мелочи!

Раиса Николаевна порхала вокруг сына, то неистово прижимая к груди и охая, то принималась рыться в его гардеробе, сочетать несочетаемое, примерять к молчаливо слившемуся с обоями самозванцу и тут же хваталась за сердце. Владик решительно попрос и не влезал не во что. В суетливом мозгу растерянного Артёма подсказок не было. Прошлая настоящая жизнь засела в голове накрепко, вытесняя все туманные факты текущей, ненастоящей. Подсказок решительно не было, но и молчать уже было невозможно.

Кое-как выставив мать за дверь и пообещав через десять минут быть на кухне, Артём тут же ринулся к окну. Этажей под ним было целых шесть, а карнизы утыканы барельефами столь основательно, что сбежать по ним возможным не представлялось. Пришлось сдаться.

Артём открыл дверь и тут же наткнулся на щенячьи-заискивающий взгляд матери. Материнская любовь заполнила помещение до самого потолка. Плотные сжатые зубы не позволили выругаться.

- Хорошо что ты один, Владик. – Раиса Николаевна держала ладошку сына, поглаживала своей и с мягкой невинной улыбкой проворковала приговор. – Вечером к нам зайдёт Тамара Михайловна. Помнишь её? – Мама взяла сына под руку и потянула на кухню. – Знаешь, а ведь у нее дочь

Тёма остановился резко. Буквально врос в ламинат, побагровел лицом, став точной копией прикорнувшей под раскидистым пальмовым листом статуи какого-то задумчивого мужика.

- Я к вам ненадолго. – Вердикт был окончательным.

- Конечно. Как скажешь, дорогой. - Хищный взгляд тигрицы-матери обещал что сбежать выйдет только тогда, когда заготовленная программа из череды невест будет исполнена в обязательном порядке.

К обеду Артём взвыл и улыбался маменьке уже вымученной ноткой. Раиса Николаевна не отходила от чада ни ан шаг, таскала его по комнатам, демонстрируя утонченную красоту убранства, любовно рассказывала про каждый лично высаженный фикус, а потом и вовсе достала фотоальбом, заманивая сыночку попить чаю. Одно только радовало – никаких признаков посторонней личности материнское сердце не демонстрировало, а обмануть его просто невозможно. Матери буквально на уровне энергополя ощущают своих чад на огромных расстояниях. Раиса Николаевна признала в пришельце своего. Зато из фотоальбома Тёма узнал что закончил МГУ, что является неплохим специалистом фиг пой-

ми какой области с красным дипломом и стоит у штурвала одного из дочерних отцовских предприятий. Делать ему решительно не нужно ничего, кроме редких появлений на рабочем месте чтобы подписать кипу бумаг. Остальное время можно тратить на саморазвитие. Настоящий Владик, например, коллекционировал открытки из разных стран и охотно мотался подолгу в командировки, тщательно прогревая косточки на лучших пляжах мира. Маменька то и дело сверкала где-то на фоне. Артём понял что Владик вырос просто отличным примером полного отсутствия стремления к чему-либо. Просто сидит очередным фикусом в красивом горшочке, цветёт и пахнет.

К такой жизни и надо стремиться, по идее. Но чувствовалось во Владиковой душе нечто тоскливое, такое же непонимающее бытие, как и в Артёмовской. Профили разные совершенно, общего – ничего, а взгляд на мир а-ля «а в чем смысл?» абсолютно идентичен. Владика было почему-то жаль. И по спине Артёма вновь пробежался холодок. Вот тебе две стороны монеты – одна окружена людьми и суетой, другая обособленная и как бы в стороне, но суть одна – болтаются они по жизни не пойми как оба.

А судя по натиску матери, стало предельно ясно почему они живут в разных городах. Иных развлечений, кроме как «женить Владика», у Раисы Николаевной не было.

После третьего завтрака наступил обед. В квартиру вплыл отец с портфельчиком, бормоча под нос «черти что», обнял

жену и тут же навис над бифштексом. Внимание матери теперь металось от одного мужчины к другому. Она с мельчайшей детализацией расписала проведённое с Владиком время, посетовала на отсутствие подходящей по размеру одежды, получила от мужа кредитку и успокоилась. Обед прошёл в относительной тишине.

Удивительным было то, как внезапно для себя и довольно быстро Артём проникся домашней атмосферой и полностью уверовал что он Владик. Уютное воркование за столом, бодрящие подмигивания отца, элегантные жесты матери, вынули из раздвоенной души ту самую, больше всего подходящую к атмосфере. Тёма даже разговорился, с удивлением обнаруживая в своем голосе незнакомые интонации и улавливая факты, которые он вроде как знал, а вроде не знал. За чем-то интересовался людьми, которых никогда ранее не видел, но от чего-то переживал «как там у тетя Маши её мигрень?» Единственное что никак не мог вспомнить – это имя отца. Оно таинственным образом проскальзывало как вода сквозь сито, совершенно не оседая в памяти. Даже приблизительной подсказки не было.

- Это потому, что я тоже не тот, о ком ты думаешь. – Сообщил «отец» как только Раиса Николаевна упорхнула переодеваться – Владик у нужно было срочно прикупить одежды и только она знала какой и где.

- Прости? – Тёма напрягся.

- Говорю, - мужчина неторопливо дожеввал, вытер салфет-

кой рот, отхлебнул чай, намеренно выдерживая долгую паузу и накаляя интригу, и вполне себе буднично продолжил. – Я тоже, как и ты, не из этой параллели. Вообще почему именно этот дом – здесь уютно, всегда хорошо кормят. Ну и видел какой шик? А между прочим, ты даже и не понял поди, что не настоящий. М?

- Что вы имеете в виду? – Артём автоматически перешел на вежливые интонации, а прижившийся в разуме Владик недовольно отступил, вытесненный другим сознанием.

- То что Раиса Николаевна в данный момент, - мужчина постучал пальцем по столу. – Вот именно сейчас. Находится в психиатрическом отделении городской больницы. А разум её проживает в этих хоромах. Где всё так, как хочет именно она. Даже сын и муж имеются. – Мужчина наклонился к столу и тихо процедил. – Только вот, в отличие от тебя, я по течению не плыву, и управлять реальности собой не позволяю. Потому как сны и мечты у людей недолгие и застрянь в них дело гиблое. Я понимаю, ты новенький, тебе всё это кажется веселым приключением. Но вот умереть в сознании малознакомой женщины, будучи уверенным что это всё взаправду – дело глупое. И бесповоротное. Проснуться в своей постели ты уже не сможешь. Как раз потому, что Раиса Николаевна и - дяденька помахал руками над столом. – И её волшебное гостеприимство, планомерно и бесповоротно вылепляют из тебя очередной сюжет сновидения по имени «Владик». И уверяю тебя, отличить сон от реальности невоз-

можно. Ты просто растворяешься в нём и всё.

Тёма молчал. Хмурился и молчал. Отрезвляющий кипяточек неприятно журчал вдоль позвоночника, а тело покрывалось испариной.

- Но не переживай. Я такой же был. Неопытный, полный впечатлений. Умел удивляться.

Внезапно в комнату впорхнула «матушка», поправляя кружевную шляпку на голове. Мужчина добродушно улыбнулся ей, приветливо помахал и сказал что отпустит Владика немедленно, как только закончит небольшой разговор. Стоит обсудить планы на вечер. Выразительный взгляд и поднятые брови в сторону Раисы Николаевны произвели настоящий фурор. Она заговорщицки подмигнула мужу упорхнула менять наряд.

- В общем. – Мужчина сложил руки на столе, внимательно оглядел Артёма, поцокал языком и продолжил. – Задерживаться здесь я тебе не рекомендую.

Артём поерзал на стуле. Атмосфера из прянично-добродушной превращалась в хищную. Цветы меркли, обретая тяжелые глубокие тени, а рельефчики интерьера буквально на глазах начали таять и меняться в еще более ажурные, расцветая деревянными аккуратно вырезанными розочками и хитросплетениями лиан.

- Решила приукрасить. Жди невесту, чо. – Дяденька развел руками. Тёма онемел. – Выходить умеешь или это у тебя впервые?

- Выходить куда? – Тёма встал, выпрямился во весь рост и уже сам угрожающе навис над незнакомцем в деловом костюме. Ему было не до смеха. Только что половина интерьера переплавилась в совершенно иной орнамент, потолки вытянулись, и даже люстра изменила форму на еще более хрустальную, огромную и праздничную. – Я вообще не понимаю, о чем идёт речь. Это всё

- Да. Это сон. – Дяденька встал, сунул руки в карман и уставился на Тёму непроницаемо-флегматичным лицом. – Только не твой – в этом и проблема.

- Чей же?

- Я ж сказал. Раисы Николаевной. Прекрасный сон, я считаю. Абсолютно позитивный, добрый и любящий. Полный надежд, мечт и света. И вон, сколько простора. Она и двор выдумала. Очень хорошо, скажу я тебе. Поселила там соловья. Соседей только нет. Вообще никого нет в её мире, кроме её самой, ну и нас

Дяденька перекатился с пятки на носок, поднял руку, не давая нетерпеливой женщине снова появиться на пороге кухни. Замок сам по себе заклинил, а дверная ручка отказалась поворачиваться.

- И нам уже пора как тебя? Хотя, всё равно не имеет значения. – Дяденька протянул пятерню Артёму, добродушно улыбнулся и представился. – Одиннадцатый. Просто Одиннадцатый. В данный момент Виктор Сергеевич Иванов. Муж Ивановой Раисы Николаевной, владелец какой-то крупной

компании, название которой мы никогда не узнаем, потому что Раиса Николаевна в бизнесе не разбирается. А чуть позже – Михаил Ефремович, обычный сантехник.

Тёма протянул руку, но Одиннадцатый отстранился на шаг.

- Ты сначала подумай о том, кто ты такой. Представь себя. Свою жизнь, детали какие-то. Всё, что было до этого. – Дяденька помолчал. – Представил?

Тёма кивнул.

- Ну так как тебя зовут, путешественник? – Одиннадцатый вновь протянул руку. Тёма помялся, взялся за чужую ладонь и уверенно сказал:

- Артём Сеницын.

Одиннадцатый заулыбался по-отечески тепло, уверенно сжал тёмину ладонь и тут же они оба исчезли из кухни, оказавшись посреди оживленного Невского проспекта. Просто бац! И вот тебе вечерние пейзажи городской суеты, поток стремящихся в метро и из метро людей, старинные чугунные фонари, залитые желтой подсветкой фундаменты, гудёж многочисленных двигателей машин, музыка, льющаяся из ближайшего ресторана. Всё это оглушающим звоном врезалось в Артёмов мозг, словно кто-то сунул в ухо дрель и принялся ей неистово взбивать в кашу и без того хлипкую тростинку осознанности и понимания бытия.

Тёму стошнило. Под фуканье и презрительные взгляды красавиц, под ворчание суровых теток и ржач стайки под-

ростков. Одиннадцатый скромно хлопал страдальца по спине и причитал «ничего, бывает», как натуральный отец, впервые заставший абсолютно пьяного сына. Вроде как и не здорово, но и отвращения, раздражения и презрения со стороны Одиннадцатого не было.

Он вообще не источал никаких негативных флюидов и стойчески ощущался всеми фибрами души именно как отец. Типичный отец абсолютно любого человека из толпы. И к толпе относился также – отечески. Никому не корчил недовольных рож, стыда по поводу происходящего тоже не испытывал, а с подростками даже немного похихикал над Тёмой, но исключительно добродушно, без подколок и взглядов вроде «я тебе еще это припомню, новичок».

Одиннадцатый от макушки до пят был хорошим человеком. Абсолютно, тотально и бесповоротно. Даже голуби, пролетая мимо, чувствовали Одиннадцатого как своего собственного отца и с интересом поглядывали с карнизов и проводов.

- Вы же мне объясните что здесь происходит? – Тёма размазывал слюни по подбородку, с неким удивлением отмечая факт что все три завтрака у Раисы Николаевны и последующий за ними обед в желудке отсутствовали.

- Да я и сам, честно говоря, не особо понимаю. – Новоиспеченный Михаил Ефремович, под номером одиннадцать протянул Артёму платок, немного подождал, отказался принимать его обратно и традиционно по-отечески улыбнулся.

– Я вообще мимо проходил, а смотришь ты там сидишь. Удивился ещё что не признал. Вообще ты неправильно путешествуешь. Нельзя вот так с головой погружаться в события. Нельзя им позволять себя затягивать. Ты же вольный человек, можешь делать что хочешь, так зачем плясать под дудочку, которую тебе диктуют обстоятельства? Это зачастую опасно.

- Я не понимаю. – Тёма сдался. Обреченно вытянулся, потер шею, разглядывая окружение. Обычный город, реальный асфальт, точная копия настоящего Невского. В десяти метрах Площадь Восстания, даже стела памятника городу герою присутствует. – Мы сейчас где?

- На Восстания. У метро. – Пожал плечами Одиннадцатый.

Тёма едва не выл. В его голове всё ещё бушевала дрель. Владика кто-то безжалостно выдернул, практически полностью удалил из сознания, оставив лишь легкий шлейф воспоминаний. Словно это было десятки лет назад и с каждой секундой это время увеличивается ещё на десяток. Меньше чем за минуту Владика уже совсем не осталось, а Раиса Николаевна ощущалась уже как совсем посторонняя женщина, которую довелось наблюдать со стороны. Лёгкая диковатость и смятение души о том, что некогда Артём считал её своей матерью, присутствовала, но таяла также быстро, как до этого проникала в душу. Сумбур превратил Синицу в молчаливый столб, готовящийся ещё раз вывернуть изнанку на тро-

туар.

- Или ты - Одиннадцатый нашарил в кармане сигареты, неспешно закурил. Тёма уже понял, что накидывать интригу и выжидать мучительную паузу было для собеседника чем-то вроде вида спорта. Таким же единственным развлечением, как для Раисы Николаевны женить Владика. – В общем, это уже твоя параллель. Здесь, кстати, столовая дальше неплохая. Можем там посидеть, почирикать. Я не против.

Тёма смотрел на Одиннадцатого с тоской и разочарованием.

- Ещё лавочка во дворе ладно, пойдём на лавочку.

И Одиннадцатый пошел. Уверенной походкой прямо в стену, в которую флегматично и буднично просочился прямо на глазах у прохожих, которые почему-то отказались верить собственному зрению и продолжили идти куда шли. Никто не ойкнул, не удивился, не тыкал пальцами и вообще не пытался подать виду что только что произошло нечто грандиозное. Привыкший к таявшим интерьерам и реалистичным снам Артём тупо уставился в желтоватую стену и шумно выдохнул. Почему-то показалось что это вполне себе нормально. Может в этом, очередном сновидении, все ходят сквозь стены, от того равнодушны к подобным финтам. А двери делают чисто из эстетической любви к интерьерам. Тёма уверенно направился в стену, следом за Одиннадцатым и... на удивление легко прошел. Оказался в просторном помещении ресторана, разделенный ровно пополам столиком, при-

зраком проплыл к другой стене, уверенно следуя намеченному курсу.

Вторая стена поддавалась также не осязаемо, словно проходишь через фантомное облачко, даже всполохов и свечений не было. Тёма словно пересекал пустоту, шагая сквозь кирпичную толщу, не чувствуя ровным счетом ничего. Даже холодка. Дальше оказалась кухня, где два коптящих съедобное месиво повара, увлеченно обсуждали степень прожарки риса и овощей. Артём прошел мимо них незамеченный и исчез за очередной стеной. Здесь уже обычный дворик-колодце ютился черным отблеском сумеречного неба, стены зданий возвышались в целых пять этажей, надежно укрывая спрятанную от посторонних глаз лавочку, окруженную фонарными столбами, источающими желтоватый свет. На этой самой лавочке Одиннадцатый сидел, любясь едва различимыми интерьерами из чужих окон.

- Вот всегда интересно было в окна заглядывать. Сколько себя помню. Вроде и нафиг тебе это не надо, а всё равно. Чужая жизнь. Вообще другая. Всё такое разное Вроде пара метров влево, а вот уже инженер живёт. А вон там пустуют хоромы. А вон семья с двумя или тремя детьми. У них всегда такая детская захламленность. Всё в наклейках, на подоконниках игрушки.

Артём пробежался взглядам по окнам, тяжело грохнулся на лавочку рядом и буквально растёкся по ней, сжав свою бедную голову двумя руками.

Мысли его плясали сразу во все стороны, не могли уцепиться ни за что, даже за сам факт существования. Он не понимал почему этот сон такой долгий и почему уже вторая смена антуража столь детализирована и правдива, что бьёт по ноздрям типичной для узких дворов затхлою сыростью и нависает густым ароматом жареной курицы из приоткрытого окна. Почему он чувствует усталость так явно, что готов уже просто задремать на этой самой лавочке, лишь бы поскорее проснуться у себя в постели. Но адреналин происходящего разгоняет организм до суетливого непоседливого состояния и желания куда-то бежать. Плевать куда, главное подальше от этого мельтешения и непонятной суеты. У Артёма много вопросов, но задавать их решительно не хочется, потому что голова вот-вот взорвётся и лишняя информация в ней откачивается приживаться. Он физически чувствует отрицание через скрученные судорогой раздражения руки и ноющие от напряжения плечи. Тёма хочет выть, смеяться и плакать.

- Так вы расскажете? – Лениво пробормотал Синица.

- Так о чём? – Одиннадцатый ответил ему в цвет. – Я ж не против. Ты спроси сначала.

- Кто была эта женщина, почему я был Владом и почему сейчас мы прошли сквозь стену? – Артём обессиленно мычал, не особо надеясь на внятный ответ.

- Ну это ты сам должен знать. Ты как туда попал вообще?

- Да просто лёг спать как всегда.

- О чём думал?

- Да ни о чём.

- Точнее.

- О том что жизнь прекрасна. – Тёма бубнил устало, без эмоций.

- Тут-то тебя Раиса и подхватила. – Засмеялся Одиннадцатый. – Она хорошая женщина. Любит хорошее настроение, праздник

- В смысле подхватила?

- Ну ты блуждал - Одиннадцатый сложил руки домиком. – Блуждал по реальностям, как все мы делаем во сне. Неуправляемо только. И Раиса тебя пригласила в гости. Ну ты и пошел Всё просто.

- Я почти поверил что являюсь другим человеком.

- Это тоже нормально. Влез в чужой образ – соответствуй. Поддался течению чужой реальности – стал частью её. Вообще я сразу тревожные звоночки увидел. Ещё немного бы и всё, прощайте навсегда товарищ. Здесь ты бы умер во сне, а там стал бы живым человеком. Только вот нельзя в чужом сне становиться реальным. Потому что тогда начнутся несостыковки а за несостыковками придёт великая Волна и сомет тебя как чернильное пятно на полотне чужой реальности. Ну или волю твою разрушит. Там ты бы тоже умер. Еще умер бы в момент просветления сознания Раисы. Она же не всегда бредит. Иногда приходит в себя и узнает окружающих. И в такие моменты её реальность исчезает вместе со всем антуражем а потом выстраивается заново. Однажды это была ях-

та на берегу Мексиканского залива, например. Красиво Но опасно.

- Почему я вообще там оказался?

- Вот и мне интересно. – Одиннадцатый вдруг задрал рукав Артёмовской футболки и деловито промычал. – Значит, ты Шестой.

Тёма тоже уставился на своё плечо. Теперь там красовалась ярко-красная татуировка в виде двух цифр «Ноль» и «Шесть». Одиннадцатый задрал рукав своей футболки. Там красовались две красные единицы. Только сейчас Тёма понял что одежда на них обоих изменилась. Оба сидели в черных джинсах, в черных футболках и кедах. Одиннадцатый словно копировал Артёма во внешнем облике. Только лицо его оставалось точно таким же, каким было в гостях у Раисы Николаевной, разве что обрело щетину, в остальном – чем-то сильно похоже.

- Гляди-ка. Аж Шестой. – Одиннадцатый деловито сощурился, одобрительно покивал. – То-то сквозь стены так бодро ходишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.